

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИКИ В ГОСТЯХ У СОЦИОЛОГОВ**SECTION 4. HISTORIANS VISITING SOCIOLOGISTS**

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.013

УДК 94(470+571)"19":316.356.2

ББК 63.3(2)61-7+60.561.51(2)6

С.П. КАЧЕСОВА

**«СТАРОЕ ОТЖИЛО И НЕ ИМЕЕТ СИЛЫ,
А НОВОЕ ЕЩЕ НЕ СЛОЖИЛОСЬ»:
СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ
КОНФЛИКТОВ КРЕСТЬЯНАМИ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

S.P. KACHESOVA

**« OLD HAS OUTLIVED ITS USEFULNESS
AND HAS NO FORCE, AND NEW HAS NOT
YET DEVELOPED»: PEASANTS' WAYS
OF RESOLVING FAMILY CONFLICTS IN RUSSIA
IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Цель статьи — выделить способы решения семейных конфликтов российскими крестьянами в первой трети XX века. В первой трети XX века в России происходят политические события, вызвавшие кардинальные перемены в государственном строе и повседневной жизни общества. Изучив эго-документы крестьян на основе методологических подходов истории повседневности и гендерной истории, мы выделяем реально использовавшиеся крестьянами способы решения семейных конфликтов, а также определяем степень их взаимодействия с органами власти по этому вопросу. Научная новизна выводов данной статьи состоит в выявлении правового нигилизма в решении семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века. В данный период семейные конфликты разрешались крестьянами с использованием традиционных патриархальных методов. Среди способов решения семейных конфликтов, открыто указываемых в эго-документах крестьян, мы можем выделить замужество или женитьбу, а также рукоприкладство мужа по отношению к жене. Указание на применение рукоприкладства для решения семейного конфликта чаще встречается в эго-документах крестьян мужского пола, что стало выражением непонимания усилившегося процесса изменения роли женщины в семье. Крестьяне обращались в органы власти для решения семейных конфликтов, требующих решения материальных вопросов. Случаи таких обращений относятся к периоду, предшествующему 1917 году, а также концу 1920-х годов.

The article highlights the ways of solving family conflicts by Russian peasants in the first third of the XX century. In the first third of the XX century political events took place in Russia, which caused radical changes in the state system and the daily life of society. Having studied the ego documents of the peasants on the basis of methodological approaches to the history of everyday life and gender history, we identify the methods actually used by the peasants to resolve family conflicts, and also determine the degree of their interaction with the authorities on this issue. The scientific novelty of the conclusions of this article consists in identifying legal nihilism in solving family conflicts by peasants in Russia in the first third of the XX century. It's concluded

that during this period family conflicts were resolved by peasants using traditional patriarchal methods. Such ways to resolve family conflicts of peasants as marriage and the assault of the husband towards his wife were identified. An indication of the use of physical assault to resolve a family conflict is more common in the ego documents of male peasants, which has become an expression of misunderstanding of the intensified process of changing the role of women in the family. The author of the article redlines that peasants appealed to the authorities to resolve family conflicts requiring the resolution of material issues. Cases of such appeals relate to the period preceding 1917, as well as the end of the 1920s.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история повседневности, гендерная история, семейный конфликт, крестьяне, женитьба, замужество, рукоприкладство, правовой нигилизм.

KEY WORDS: everyday history, gender history, family conflict, peasants, marriage, assault, legal nihilism.

ВВЕДЕНИЕ. Проблемам трансформации крестьянства в первой трети XX века посвящено достаточно большое количество исследований. За последние десять лет авторы обращались к разным аспектам данной проблемы. Не последнее место среди них занимает и развитие взаимоотношений в крестьянской семье в указанный период. Отношение крестьян к браку, отношения между супругами, родителями и детьми в крестьянской семье в это сложное, наполненное разными политическими событиями время стали основными темами данных исследований. Однако авторы этих исследований не обращают внимания на способы решения семейных конфликтов, которые выбирают крестьяне в первой трети XX века.

На основе изучения архивных документов и материалов, а также опубликованных нормативно-правовых актов, статистических сборников, аналитического материала периодических и справочных изданий, фольклорных источников О.А. Боева определяет «изменение повседневного уклада жизни крестьянской семьи Воронежской губернии в связи с социальными, экономическими и политическими преобразованиями в России» в конце XIX — первой трети XX вв. [3, с. 13]. К изучению источников личного происхождения, авторами которых были крестьяне, О.А. Боева не обращалась.

Для того чтобы выявить влияние различных факторов, накладывавших отпечаток на весь семейный уклад крестьян Воронежской губернии в конце XIX — первой трети XX вв., О.А. Боева изучила представления крестьян о предназначении семьи и показала социальный статус мужчины и женщины в семейной экономике, проанализировала отношение крестьян к добрым и внебрачным связям, исследовала отношение крестьян к рождению детей [3, с. 13]. В соответствии с выводами О.А. Боевой [3, с. 22] крестьянская семья исследуемого периода постепенно превращалась из патриархальной в нуклеарную¹. В третьем десятилетии XX века изменяются взгляды крестьян на характер взаимоотношений в семье, на роль и положение женщины. Крестьяне, по мнению О.А. Боевой, вплоть до конца первой трети XX века, в решении семейных проблем ориентируются на устоявшиеся обычаи и традиции.

Чрезвычайно важными для нашего исследования являются выводы В.Б. Безгина [1]. Уверенно утверждая о приоритете обычного права в крестьянской среде, В.Б. Безгин одновременно становится сторонником точки зрения об отсутствии среди основных ориентиров для решения крестьянами повседневных проблем, в том числе семейных конфликтов, законодательных актов [1, с. 202].

Тезис о том, что крестьянское население в конце XIX — начале XX вв. «обладало смутным представлением о содержании действующего законодательства, в оценке преступлений

1 Патриархальная семья состоит из нескольких поколений родственников по отцовской линии; нуклеарная — из родителей и детей, либо только из супругов.

крестьяне руководствовались нравственным началом и принципами справедливости» подтверждается и в исследовании А.А. Карабанова [8, с. 2], посвященном обзору конфликтогенных тенденций в жизни русской крестьянской общины в данный период и проведенном на материалах Олонецкой губернии. А.А. Карабанов выделяет разные виды конфликтов в крестьянской общине — не только горизонтальные (в число которых входят и семейные конфликты), но и вертикальные — конфликты крестьян с надзорными органами и органами управления. Обострение семейных конфликтов в указанный период А.А. Карабанов объясняет нарушением паттернов семейных взаимоотношений в крестьянской общине, при этом отмечая, что «основные крестьянские семейные устои оставались нерушимыми» [8, с. 100].

Анализ конфликтогенности крестьянской общины Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX вв. проводится А.А. Карабановым с учетом ее этнического и конфессионального разнообразия на основе материалов практики мирового и волостного судов. Историк приводит несколько примеров обращения крестьян в органы власти для решения семейных конфликтов, однако все они носят материальный характер и связаны с решением материальных вопросов — порча, поджог имущества. Всего один из одиннадцати приведенных примеров демонстрирует обращение с иском о действиях оскорбительного характера. Этот факт не уменьшает значение проведенного А.А. Карабановым исследования, но побуждает нас более детально выявить причины обращения крестьян в органы власти для решения семейных конфликтов, ежедневное число которых несомненно превышает число конкретных обращений. Для этого решения этого вопроса мы прибегаем к изучению эго-документов крестьян.

О процессе либерализации отношений мужчины и женщины как о причине возникновения проблемы добровольного ухода крестьянок из семьи пишет и А.В. Спичак [14, с. 89]. В качестве верхней границы исследования выбраны события 1917 года, повлекшие коренные изменения во всех сферах жизни российского общества. На основе анализа прошений крестьянок о разводе в Тобольскую духовную консисторию А.В. Спичак справедливо отмечает, что в указанный период возможность развода стала более доступной, однако бракоразводный процесс был сложным и продолжительным.

Случаи жалоб в волостные суды на оскорбления и побои мужей участились, но подавали их только тогда, когда «сохранить брак было уже невозможно, т.е. терпели сравнительно долгое время» [14, с. 101]. По мнению автора, это все стало выражением возросшего самосознания женщин-крестьянок, но в целом «браки в русской деревне были прочными, а разводы — явлением достаточно редким» [14, с. 101].

М.А. Соснина исследует противоречия между официальным законодательством и крестьянской правовой культурой в вопросе разделения семей Архангельской губернии в период с 1861 по 1917 гг. [13] в соответствии с решениями волостных судов данной губернии. Преимущественно рассматриваемые споры носят имущественный характер, но М.А. Соснина приводит и примеры межличностных споров, когда официальное законодательство вступает в противоречие с обычно-правовыми основами крестьянских конфликтов.

И.С. Слепцова в контексте микроистории, то есть «изучения жизненного пути конкретного человека в конкретных исторических обстоятельствах» [12, с. 79] пытается реконструировать «коллективную биографию» сельского социума по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова, относящихся к первой трети XX в. И.С. Слепцова поясняет, что применяет просопографический метод, «при котором рассматривается отдельный аспект или несколько взаимосвязанных аспектов биографии человека, типичных для исследуемой группы» [12, с. 79], при этом личность анализируется «в контексте социального окружения (семьи, локальной группы), изучаются ее взаимоотношения с другими членами социума и функции, которые она выполняет в данном сообществе» [12, с. 79]. И.С. Слепцова отмечает, что солидная часть дневников посвящена описанию

«семейной жизни и взаимоотношений между членами семьи» [12, с. 88]. Примечателен вывод И.С. Слепцовой об изменении характера семейных взаимоотношений с начала 1920-х годов: «Появляются записи, из которых становится ясно, что прежних отношений в семье, основанных на непререкаемой власти отца, уже не существует» [12, с. 95]. Автор статьи не объясняет этот факт современными ему политическими событиями, но выделение его чрезвычайно важно, т.к. говорит о трансформации семейных взаимоотношений крестьян. Но ни сама И.С. Слепцова, ни ярославский крестьянин П.В. Бугров, основное действующее лицо ее исследования, не упоминают об обращении его к законодательству в поиске способов решения семейных конфликтов. Крестьянин в этой сфере своей жизни предпочитает руководствоваться сложившимся опытом решения этих вопросов.

В работах зарубежных исследователей мы не обнаруживаем пристального внимания к рассмотрению проблемы решения семейных конфликтов крестьянами в первой трети XX века. Положение крестьянской семьи в российском обществе, условия жизни крестьян рассматриваются только с точки зрения соответствия происходящих социально-экономических событий в это время в России общемировым событиям [19]. Литовский историк Д. Лейнарте, рассматривая несанкционированное семейное поведение в крестьянских общинах на европейских территориях Российской империи, в качестве верхней границы исследования определяет 1914 год, когда Литва еще была ее частью «царской империи» [18, с. 3].

Крестьянская семья интересует Д. Лейнарте только с точки зрения ее принадлежности к европейской территории, однако и она обращает наше внимание на слабую приверженность крестьян к обращению в органы власти для решения семейных конфликтов. Взаимодействие российских крестьян с органами власти становится предметом исследования для зарубежных историков только в процессе рассмотрения крупных политических событий, произошедших в начале XX века в Российской империи и позднее в Советской России. Так Д.Э. Джей Мейси посвящает вопросу участия крестьян в столыпинской аграрной реформе отдельную главу в коллективной научной монографии об аграрных преобразованиях в постсоветской России [17, с. 246–271].

Изучение массива трудов историков, посвященных крестьянской семье первой трети XX века, показало, что в основном они направлены на исследование степени конфликтности в семейной сфере крестьянских общин определенных территорий нашей страны, относящихся к Центральному Черноземью (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская, Олонекская, Костромская, Ярославская губернии), а также Архангельской губернии и территории Тобольской епархии, расположенных ближе к Европейской части России. Хронологические рамки исследования разных аспектов повседневной жизни крестьянской семьи в большинстве трудов совпадают с периодом второй половины XIX — начала XX вв., причем начало XX века ограничивается 1917 годом. Для исследования выбранной проблемы авторы рассмотренных нами трудов выбирают методологические подходы истории повседневности, социальной и гендерной истории [14, с. 90], используют просопографический метод в контексте подхода микроистории [12, с. 79], классические методологические принципы исследования историзма и объективизма [3, с. 13], либо не указывают ни один из методов. В качестве источниковой базы исследований выбраны материалы практики мировых и волостных судов, материалы этнографических исследований. К изучению эго-документов крестьян прибегают крайне редко.

Являлись ли патриархальные традиции и обычаи, непосредственно составлявшие быт крестьян, единственной инстанцией для решения семейных разногласий? Насколько чаще стали крестьяне обращаться к законодательству и органам власти для решения этих проблем? Изучив содержание эго-документов крестьян, проживавших не только в области Центрального Черноземья, но и в отдаленных регионах России — Томской и Оренбургской губернии, мы попытаемся ответить на эти вопросы.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — на основе изучения эго-документов крестьян выделить способы решения семейных конфликтов крестьянами в первой трети XX века. Для достижения поставленной цели в статье последовательно будут решены следующие задачи:

- определить понятие семейного конфликта и способа его решения, которые мы будем использовать при изучении эго-документов крестьян, осящающих разные стороны жизни крестьянской семьи в первой трети XX века;
- обосновать выбор методологического подхода и методов исследования, использованных для изучения эго-документов крестьян;
- описать источниковую базу исследования, представленную эго-документами крестьян;
- выделить способы решения семейных конфликтов, выбираемых крестьянами в первой трети XX века.

Хронологические рамки исследования мы ограничиваем периодом 1900–1930 гг., когда в истории нашей страны происходит целый ряд масштабных политических событий, повлиявших не только на развитие государства, но и на повседневную жизнь населения. К 1930 году в основном складывается новая государственная идеология, вместе с ней приходят кардинальные перемены в жизнь крестьянской семьи, требующие соблюдения семейного законодательства.

Используя преимущества методологических подходов истории повседневности и гендерной истории, мы определим способы решения семейных конфликтов крестьянами, а также выявим причины их обращения или необращения в органы власти для их решения, изучив содержание эго-документов крестьян, проживавших не только в области Центрального Черноземья, но и в отдаленных регионах России — Томской и Оренбургской губернии.

Понятие семейного конфликта в начале XX века в России встречается крайне редко. Нормативное определение семейного конфликта отсутствует в гражданском законодательстве Российской империи начала XX века. Отдельных систематизированных актов, регулирующих семейные отношения, по-прежнему нет. Книга «О правах и обязанностях семейственных» является частью тома X «Свод законов гражданских» Свода законов Российской империи. Книга «О правах и обязанностях семейственных» содержит три раздела — «О союзе брачном», «О союзе родителей и детей, и союзе родственном», «О опеке и попечительстве в порядке семейственном». В издании X тома от 1912 года не упоминается ни только слово конфликт, но и словосочетание семейный конфликт, однако есть близкое по значению определение «спору, от брачных дел возникающие» [11, с. 2]. Но здесь речь идет именно о спорах, вытекающих из противоречий по поводу заключения брака. Можем предположить, что отсутствие нормативного определения семейного конфликта является одной из причин крайне редкого обращения крестьян для решения подобных противоречий в органы власти.

Само слово конфликт заимствовано в русском языке из немецкого. В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля 1905 года издания конфликт определяется как «столкновение, спор» [15, с. 391], а семейный — «к семье относящийся» [16, с. 123]. В словосочетаниях, показывающих употребление слова, словосочетание семейный конфликт отсутствует. Но в их числе поговорка — «Семейное согласие всегда дороже». Под семьей понимается «совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесном значении родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие составляют уже иную семью» [16, с. 123], что демонстрирует переход от семьи патриархальной к нуклеарной в российском обществе, отмеченный О.А. Боевой, но не всегда применимый к семье крестьянской, т.к. в эго-документах крестьян мы еще встречаем описание жизни патриархальных семей в исследуемый период. Словосочетание «семейный конфликт» отсутствует не только в толковом словаре, но и в эго-документах крестьян.

Современная конфликтология как научная дисциплина появилась в 1950–1960-х гг. на Западе и с начала 1990-х гг. в России. Именно с этого времени понятие конфликта начали употреблять в сфере семейных взаимоотношений. Поэтому необходимо пояснить, что мы понимаем под семейным конфликтом и что, собственно, предполагаем выделять на основе изучения эго-документов крестьян. Доктор педагогических наук С.В. Бобрышов и кандидат психологических наук В.В. Ивакина на основе антропологического подхода к пониманию феномена конфликта определяют семейный конфликт как «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, ролей, мнений, ценностей или взглядов участников семейного взаимодействия» [2, с. 13]. Далее С.В. Бобрышов и В.В. Ивакина отмечают, что главное в понимании семейного конфликта это, прежде всего, «реализация его субъектами специфического способа разрешения создавшегося противоречия, которое нарушает нормальное взаимодействие, наносит ущерб сторонам (или одной из них), в результате чего они (или одна из них) зачастую начинают видеть источник возникшей проблемы в позиции другой стороны». В изучении содержания эго-документов крестьян нам важно выделить именно этот специфический способ разрешения создавшегося противоречия» [2, с. 13]. Где находят этот способ разрешения создавшегося в семье противоречия крестьяне в первой трети XX века — в обычном праве и патриархальной традиции, в законодательстве или путем обращения в органы власти? На этот вопрос мы получим ответ, детально изучив эго-документы крестьян указанного периода.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для выделения способов решения семейных конфликтов российскими крестьянами в первой трети XX века мы изучим эго-документы некоторых представителей этого сословия. Эго-документы — это «принятое в современной исторической науке объединенное название разных текстов: автобиографий, мемуаров, дневников, журналов путешествий, писем» [6, с. 573]. Именно эти исторические источники помогут нам понять, насколько однозначно тот или иной крестьянин выбирает определенный способ решения семейного конфликта, чем он объясняет этот выбор, насколько легко он ему дается. Эго-документ крестьянина — явление нечастое, поскольку владение пером не было основным крестьянским занятием. В основном мы встретим такие источники под авторством крестьян из Европейской России, где грамотных представителей этого сословия было больше, чем в других регионах России. Поэтому особенно ценными для нашего исследования являются не только автобиографические воспоминания крестьянина Николая Иосифовича Скрылева, урожденного Воронежской губернии, и уроженки Костромской области Евдокии Константиновны Макаровой, дневник тотемского крестьянина Александра Алексеевича Замараева из Вологодской области, но и целый комплекс воспоминаний крестьян-толстовцев В.В. Янова, Д.Е. Моргачёва, Б.В. Мазурина, И.Я. Драгуновского, объединившихся в коммуну «Жизнь и труд» в Оренбургской губернии, воспоминания Анфима Игнатьевича Пономарева из Томской губернии, дневник Ивана Григорьевича Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области.

Первым источником, к которому мы обратились с целью изучить способы решения семейных конфликтов, избираемые крестьянами в первой трети XX в., стали воспоминания крестьян-толстовцев о своей жизни в этот период. Перед нами воспоминания крестьян, жизненные принципы которых имели весьма особый характер. Они пытались воплотить в жизнь идею о братском и мирном обществе, в котором нет места насилию и эксплуатации. Воспоминания крестьян-толстовцев буквально пронизаны толстовскими идеями, но в них содержатся и воспоминания о жизни до вступления в коммуну, а это несколько десятилетий, на которые мы сможем взглянуть глазами российского крестьянина, невольно ставшего свидетелем решительных перемен в стране. Первоначально кажется, что воспоминания крестьян-толстовцев так же, как и воспоминания людей, принадлежащих к другим классам строящегося нового советского общества, не отличаются пристальным вниманием

к семейной жизни. Дело в том, что социальная жизнь в первой трети XX в. была настолько насыщена событиями, что какие-то разногласия в семейной жизни казались не такими уж и важными для обсуждения. Голод, бытовая неустроенность, постоянная угроза жизни, неопределенность часто описываются крестьянами в повседневной жизни. «В это время, зимой 1922 года, голодающие Поволжья, женщины с детьми шли по направлению к Москве. Доходили и до нас, крайне истощенные и обессиленные. Многие на дороге замерзали. Иногда мать с ребенком или двумя лежит на краю дороги — замерзшие. Жалко и больно было смотреть на них, на этих голодных детей», — пишет один из крестьян-толстовцев Дмитрий Моргачев [5, с. 134].

Именно семья становится единственным убежищем человека, тем местом, где он может скрыться от строго взора государства. Рабочий В.В. Янов, чудом избежавший тюремного заключения за преступления против государства, так описывает свои чувства по возвращении домой: «И вот я опять среди любящей семьи, среди своих односельчан и родных полей. Кругом не слышно слов команд и допросов, а спокойная человеческая речь, и не маршировки, прыжки, судорожные движения по команде, а разумный, необходимый всем людям труд...» [5, с. 16]. Позднее он перевёз к себе жить семью своей сестры из Каменского завода. Ее семья очень сильно голодала. Несмотря на то, что остальные родственники не поддерживали Янова в его стремлении спасти детей сестры от голода, он описывает обстановку в доме после приезда на родину следующим образом: «В нашем доме, вернее, комнате, стало очень скученно, как в вагоне, но крайняя нужда не нарушала благоразумия, жалости, и жизнь шла своим чередом» [5, с. 17].

Крестьянин Дмитрий Моргачев так описывает встречу с женой и сыном после окончания военной службы в 1915 году: «Неописуемая радость после такой адской жизни, ежедневно грозившей смертью, и вдруг — жена, сын, и я свободен!» [5, с. 129]. Семья была единственной радостью человека в то нелегкое время.

Такие тенденции в развитии общества, как изменение отношения к женщине, изменение роли мужчины и женщины в семье, изменение характера семейного союза мы обнаруживаем и в воспоминаниях крестьян-толстовцев. В воспоминаниях рабочего, выходца из крестьян В.В. Янова описан такой случай. Он по подозрению в ненависти к советской власти и неблагонадежности был приведен для разбирательства в управление местного ЧК. Там он стал свидетелем такого разговора. Женщина средних лет обратилась к начальнику с просьбой присутствовать на допросе Янова, но получила твердый отказ. Начальник обосновал свой отказ тем, что она посторонняя. Женщина, рассердившись, ответила: «Я не посторонняя! А скажите, вы просто привыкли не считать женщину за человека. Вы не понимаете, что женщина — мать, от нее зависит воспитание детей, порядок в семье, в обществе» [5, с. 15]. Начальник «вполне» согласился с ней, но предложил обсудить это в следующий раз. Но женщина продолжила: «Да, вы все согласны, а делаете свое старое, дикое. Сколько я заявление писала — прекратить выпускать водку, табак, и все согласны, а муж приходит домой пьяным, я — мать — не знаю: куда спрятаться с детьми, а он все бьёт... и так живет все общество. Вот ваше согласие какое, а мне надо узнать нравственную сторону жизни... я уже много слышала о таких людях. Я хочу сама слышать» [5, с. 15]. Закончился этот разговор тем, что она получила окончательный отказ и хлопнула в ответ дверь. Мы обратили внимание на этот случай не потому, что он показывает явный интерес людей к последователям толстовского движения, так как женщина хотела присутствовать на допросе именно по этой причине. Не потому что от начальника как представителя власти последовал твердый отказ на просьбу присутствия на допросе. Нас привлекло замечание женщины об изменении отношения к женскому полу в принципе, изменении положения женщины в обществе. К ней категорически перестали прислушиваться. А ведь женщина в данном случае не просто сообщает, она кричит о том, что семья, основополагающая

единица общества, находится под угрозой. А общество и власть не хотят этого замечать. Не хотят принимать участия в решении семейных конфликтов, причиной которых как раз стала определенным образом проводимая внутренняя политика государства.

Крестьянину В.В. Янову не нравятся те изменения, которые произошли с женщиной, он прямо говорит, что лучшая часть человечества по непонятным ему причинам начала подражать мужчинам. Он искренне не понимает, почему так произошло. Вот что пишет он о женщине: «Женщина — это лучшая половина человечества, она дает жизнь, насыщая её своим молоком и согревая своей жалостью и самоотверженной любовью. И только из женщин проявляются святая мать, жалостливая сестра, добрый самоотверженный друг всего человечества. И такую женщину я очень люблю, уважаю, приветствую, уступаю дорогу и место больше, чем мужчинам. Но когда женщина по разным причинам, вольным и невольным, отступает от своей святой нравственности, возвышающей ее над людьми, и начинает подражать ошалелым мужчинам, занимающимся диким зверством, и тогда за такую, похожую на этих развратных мужчин, женщину мне очень больно и жаль ее, и я тогда не могу отдать ей предпочтения» [5, с. 32].

Представления о должном поведении женщины, видимо заложил в Василия Янова еще отец. Свои воспоминания о пережитом и пережитом он начинает с сюжета о предсмертном наказе, который дает его отец своей семье: «Вот, люди добрые, — сказал с глубоким вздохом отец, — я скоро, сейчас, помирать буду, но мне хочется напоследок сказать свое желание. Вот слушай, Настя, детей в люди не отдавай, воспитывай сама. Маленького жалей больше всех, он будет тебе кормилец, а сейчас он слабее всех. Девочку рано замуж не отдавай, поспеют в горе и страдание окунуться, но лучше, чтоб они совсем оставались в девушках во всю свою жизнь, это самое лучшее, как я сейчас понимаю. Ребята тоже хорошо бы сделали, если бы воздержались от женитьбы, но у них совсем другой путь, их в солдаты заберут, а там всячески их развратят, но хорошо было бы, если бы они воздерживались и не научились пить, курить. С трезвой головой они в силах будут устоять от раннего разврата и годны будут Богу служить, а не властвующим людям» [5, с. 3]. Вот такое пожелание оставил для своих потомков отец крестьянина В.В. Янова. Общий посыл содержания такого наказа «сторониться общества», чье влияние особо пагубно, вполне понятен. Те изменения, которые происходили в нем в связи с внедрением новой идеологии, были враждебны сознанию простого крестьянина.

Такое же недоумение по отношению к резко изменившемуся поведению жены высказывает ярославский крестьянин Бугров. Приводим цитату из исследования И.С. Слепцовой: «Так расстроился с жизнью, никто не слушает, делают нехотя, потому из крестьянства ничего не выходит. Придется, видно, сказать, как хотите, так и делайте. <...> Скажешь что-нибудь из прожитой жизни, что надо, а что не надо, даже обругаешь толстой матерью, то есть поматерны, а если хлестнешь по роже с досады, то получишь обратно. А матка станет дыбом против мужа и станет предьявлять, как жили раньше, когда дрался или ругался, и я тебя боялась. Но теперь, говорит, не раньше и срать на тебя не хочу. И этим рассказам и упрекам на мужа озлобляет детей против отца [1924 г., 4 июля]» [12, с. 91]. И.С. Слепцова отмечает, что сеговования П.В. Бугрова на непослушание и грубость жены и детей очень часты: «Жизнь моя становится скверная, нападает жена вместе с детьми, что я ничего не делаю, даром хлеб жру и ругаются. Но мне сильно обидно [1925 г., 31 октября]» [12, с. 92].

Ниже И.С. Слепцова поясняет, что «хотя П.В. Бугров демонстрировал такой же стиль поведения по отношению к своим родным еще лет десять назад, но он считал это нормой, однако когда столкнулся с аналогичным отношением к себе, то воспринял это чрезвычайно болезненно, как слом всей жизни» [12, с. 90]. Выводы этого автора подтверждают характерную для крестьянского сознания систему ценностей, построенную на патриархальных принципах.

Рукоприкладство как способ решения семейного конфликта со стороны мужчины описывает и Моргачев. В 1924 году женщины в коммуне стали все больше и больше не ладить, пошли побранки. Обмолотили хлеб, его нужно вывозить на повозках в амбар, а мешков почти не было. У его жены Марьяны было большое рядно, стлалось в повозку и в него насыпалось зерно до 30 пудов, а у других не было такого рядна. Кто-то пожаловался Моргачеву, что его жена не дает рядно. В личном разговоре с мужем Марьяна также отказалась одолжить рядно другим людям. Как отреагировал на это Дмитрий Егорович? «Долго я ее уговаривал и не мог уговорить, с досады я стегнул ее по голове, гимнастеркой, и пояс с пуговицей попал ей под глаз, глаз распух и под глазом черно», — рассказывал Моргачев. Но после отметил, что ему «было стыдно», и больше он «за всю жизнь нашу ее не трогал» [5, с. 136]. В отличие от П.В. Бугрова Дмитрий Моргачев сомневается в правильности своего поведения.

Женитьба или замужество по-прежнему были обязательным актом в жизни крестьянина. Тотемский крестьянин А.А. Замараев с особой тщательностью, наряду с описанием бытовых и хозяйственных событий, событий политической жизни, ежедневно указывает, кто и на ком женился, как прошли смотрины [7, с. 317–318, 319, 372]. Не только в воспоминаниях мужчин-крестьян, но и женщин-крестьянок мы встречаем указания на то, что женитьба, или замужество, выступали способом решения многих семейных конфликтов. Крестьянка Евдокия Макарова так объясняет причину своего замужества: «Конечно я бы за него не пошла. Я от жизни пошла, от тетушки» [10, с. 54].

Одним из главных качеств будущей жены, по мнению Д.Е. Моргачева, была способность трудиться на земле, поэтому грамотность невесты по-прежнему не приветствовалась. Одной из претендующих на роль его жены была старшая дочь дьякона Шура, бывшая учительницей в сельской земской школе. Но после совета с родственниками Д.Е. Моргачев отказался от этой идеи. Вот какие аргументы они привели ему: «...ты у нее будешь во всю жизнь подол заносить, а в жаркие летние дни завешивай окна и гоняй от неё мух, а самому некогда будет работать в поле. Бери крестьянку, земля у вас есть, и будете работать с ней на земле» [5, с. 119–120]. Даже спорить не стал с ними крестьянин, так с «ученой» и не сошелся.

Также объяснял главную причину своей женитьбы и крестьянин И.Я. Драгуновский: «Мать собирается женить меня: «Нужна помощница в хозяйстве» [5, с. 166]. Будущий муж очень сомневался в правильности намерений матери, но его уговорили общими силами и свадьба все-таки состоялась. Интересен тот факт, что в оценивании потенциальной невесты участвуют и родственники, и соседи, и односельчане. В решении семейного конфликта по поводу согласия или несогласия одной из сторон на заключение брака позволяют участвовать широкому кругу людей. Но как только брак заключен и семья создана, в ее внутренние дела никого не допускают ни в коем случае. Потому и описания семейных конфликтов, их публичное обсуждение встречаются реже.

Могли воспрепятствовать женитьбе и другие причины, также указываемые родственниками. Далее Д.Е. Моргачев, продолжая в своих воспоминаниях поиски невесты, рассказывает еще об одном случае: «Начал я дружить с одной девушкой Настей, но случилось так, что ее дядя, брат ее отца, украл копну хлеба — ржи (52 снопа), и этот позор лег на всю семью. Мои хозяева не посоветовали мне брать Настю в жены: во-первых, у нее нет приданого, а главное — порода воровская» [5, с. 122]. По описанию этого сюжета из жизни крестьянина мы видим, что нравственная сторона заключения брака была еще очень сильна. Для новых родственников очень важно было, из какой семьи в их семью приходит новобрачная. Не только с точки зрения ее зажиточности, напрямую влиявшей на размер приданого, но и с точки зрения чистоты «породы». Крайне важной в крестьянской среде была нравственная чистота не только самой невесты, но и ее ближайших родственников.

О важности правильной «природы» предполагаемой родни писала в своих воспоминаниях и крестьянка Евдокия Макарова: «Только начались святки, и в первый же вечер приехали

сватать... Парня я не знала. А гостила я в ихней родне, и бабушка знала их природу. А ведь в деревне, бывало, всю родню переберут, кто и какой и как живут, природу разбирали» [10, с. 52].

Описания семейных конфликтов в воспоминаниях крестьян о своей жизни в первой трети XX века можно встретить очень редко. Евдокия Макарова отмечает в своих воспоминаниях: «Жили дружно, выноса из дома не было» [10, с. 57]. Вот и крестьянин Д.Е. Моргачев радуется только лишь скудным упоминанием своего «недоразумения» с женой: «...недоразумения у нас с ней стали возникать уже скоро из-за ее приданого. Дело было в том, что нас было два брата, и хозяйство было общее, а я затрачивал в хозяйство и ее деньги, которые она принесла, и она стала говорить: почему израсходовал и мои деньги в общий дом?» [5, с. 123]. Этими словами он описание конфликта заканчивает. Мол, нечего распространяться перед посторонними и так сами понимаете, как и чем дело завершилось. Спор жены с мужем не приветствовался среди крестьян. В этом мы видим строгую приверженность крестьян традиции — решать семейные конфликты своими силами, без привлечения помощи государства теми патриархальными способами, что складывались столетиями.

В рассмотренных нами эго-документах крестьян мы встречаем несколько случаев обращения в органы власти для решения семейного конфликта. Практически во всех этих случаях речь идет о материальных интересах членов семьи. Первый случай такого обращения собственной матери в суд описан крестьянином Дмитрием Моргачевым. Родственники ее второго мужа отняли у нее шесть десятин земли, ранее данные в приданое. Потому мать Моргачева начала судиться с ними. Исход этого судебного разбирательства для нее был положительным, но необходимо отметить три важных обстоятельства, указанных Дмитрием. Первое — «Суд тянулся год или два, ездить приходилось несколько раз в Елец за 60–65 верст» [5, с. 119]. Второе — суд длился так долго, что «мать простыла и заболела чахоткой, болела недолго и померла» [5, с. 119]. И третье — «земли она все-таки высудила семь десятин, хотя она и была далеко, верст за 35 от дома» [5, с. 119]. Таким образом мы видим, что крестьяне начинают обращаться в органы власти для решения семейных конфликтов материального характера, но это происходит в самом начале XX века, сам процесс тянется долго, а его исход хоть и положителен, но крайне неудобен для истца.

Обращение в органы власти с целью раздела семейного имущества описывает в своих дневниках и пежемский крестьянин Иван Глов. 2 апреля 1916 года он с братом Афанасием подписал договор о разделе в волостном правлении. Иван свободно рассуждает о том, что этот раздел мог состояться и в суде, но он отказывается это делать по двум причинам. Первая — из-за чуждого отношения родственников: «Судом раздел вести я не желал из своего самолюбия, не желал омрачать память моего дорогого папаши» [9, с. 47]. И ниже поясняет: «Но имела и другая причина: раздел судом должен все-таки производится честно, без утайки, все нужно писать, что имеется, хотя у нас и большое хозяйство, но раз мы клали на 5 паев, то трудно ожидать, чтобы я мог получить более полный пай. Если брать к этому во внимание свое имущество и наличные деньги, но я и то очень благодарен Господу Богу, что я все-таки урвал время поехать и поделиться. Господь благословит. К этому, что досталось, пристрою и устрой и буду понемножечку с Божьей помощью жить, а главное — в такую тяжелую годину в городе прожить почти невозможно, дорого, но и за деньги нет, а детям в деревне хорошо в особенности: коровоньки, молочка вволю» [9, с. 48].

Крестьянин Д.Е. Моргачев описывает в своих воспоминаниях еще два случая обращения к органам власти для решения семейных конфликтов. Первый из них касался решения вопроса о смене опекуна для него и его братьев после смерти матери. Отчим их не работал, начал пить. Для решения этой конфликтной ситуации в семье Моргачев как старший из братьев обратился к волостному старшине. Тот вызвал родственников по матери, которые, посоветовавшись, дали согласие взять братьев Моргачевых к себе. Также был со-

бран сельский сход, который «постановил немедленно нашему неродному отцу выбраться из нашего дома со всей своей семьей; весь наш скот продать, а деньги вырученные отдать в сиротскую сберегательную кассу, до нашего совершеннолетия; весь инвентарь прибрать в кирпичную кладовую по списку и также хранить» [5, с. 119]. На этом же сходе был выбран новый опекун — глубоко верующий, православный сосед.

Второй случай, подтверждающий редкий факт обращения крестьян для решения семейного конфликта в органы власти и описанный также Моргачевым произошел в мае 1910 года. Дмитрий Моргачев тогда нашел невесту, но сам в тот момент не достиг еще брачного возраста. За разрешением заключить брак в возрасте семнадцати лет он обратился в церковь, подав соответствующее прошение архиерею.

Все три случая обращения к органам власти, описанные Дмитрием Моргачевым, и случай из жизни Ивана Глотова, произошли в дореволюционное время. Начиная с 1917 года мы обнаруживаем провал во взаимодействии крестьян с органами власти для решения семейных конфликтов. Положительные характеристики власти в оказании помощи по решению семейных конфликтов мы начинаем встречать лишь в воспоминаниях крестьян о событиях конца 1920-х годов. Так крестьянка Евдокия Константиновна Макарова в 1927 году с благодарностью описывает помощь председателя сельсовета в написании письма самому Ворошилову с просьбой отпустить ее мужа с военной службы для восстановления хозяйства после пожара [10, с. 59]. Таким образом, процесс построения системы советской власти отразился и на жизни крестьянской семьи. В это время крестьяне предпочитают в большинстве описанных в их эго-документах случаев решать семейные конфликты, касающиеся в том числе материальных вопросов, самостоятельно, не обращаясь к органам новой, незнакомой им власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Изучение эго-документов крестьян первой трети XX века позволило нам выявить признаки усилившегося в данное время явления правового нигилизма. Основная масса крестьян настолько обеспокоена происходящим в стране, что пытается дистанцироваться от нее любыми способами. Решение семейных конфликтов становится глубоко личной сферой жизнедеятельности русского крестьянина. В семье он находит спасение от нарастающих вмешательств власти в личную жизнь. Мы встречаем лишь единичные случаи обращения крестьян в органы власти для решения семейных вопросов. Эти единичные случаи чаще связаны с решением материальных вопросов — раздела имущества. Кроме того, мы можем отметить, что, с одной стороны, редкое обращение к органам власти за разрешением семейных конфликтов связано и с отсутствием в существующем на тот момент законодательстве норм, регулирующих подобные вопросы. Законодательство подробно регулирует процедуру заключения брака и споры, возникающие в связи с этим, права и обязанности детей и родителей, а также порядок установления опеки и попечительства разных категорий лиц. С другой стороны, мы обнаруживаем редкие прецеденты обращения крестьян к законодательству для решения семейных конфликтов, предположительно ввиду относительно невысокого уровня их грамотности в данный период.

Наряду с обострением политической обстановки в стране, непосредственно влияющей и на бытовую жизнь крестьянина, мы наблюдаем особенно остро встающий вопрос о роли женщины в семье и в решении семейных конфликтов. Авторами изученных нами эго-документов в основном были крестьяне-мужчины, поэтому общее негодование по этому вопросу обнаруживается сразу же. По их мнению, в этом кроется причина всех семейных неурядиц. Такие выводы связаны не только с приверженностью крестьян-толстовцев учению Л.Н. Толстого, в котором роль женщины в семье была подчинена мужчине-главе семьи, подобные мысли мы встречаем и в воспоминаниях других крестьян.

Ограничения проведенного исследования заключаются в сужении его источниковой базы, представленной только эго-документами крестьян. Нормативные акты, регулирую-

ющие семейные правоотношения в первой трети, интересуют нас только в том случае, если к ним обращаются представители крестьянского сословия для решения семейных конфликтов. Таких случаев мы не встречаем. Связующим звеном между нормативными актами и крестьянами выступали органы власти, церковь, к которым они обращались для решения конфликтных ситуаций, преимущественно возникающих из-за раздела семейного имущества.

Результаты исследования проблемы выбора альтернативных законодательных способов решения семейных конфликтов крестьянами в первой трети XX века открывают широкие перспективы для ее последующего изучения. Источниками для выделения способов решения семейных конфликтов могут стать эго-документы разных сословий общества Российской империи и классов нового общества Советской России. Исследователям предстоит здесь провести филигранную работу по выявлению причастности определенного человека к определенному сословию или классу, так как она будет по-разному обозначаться в разное время. Крестьянин не всю свою жизнь оставался крестьянином, он мог на некоторое время переселиться в город и трудиться в роли рабочего. Потомственный дворянин для того, чтобы выжить в сложное время первой трети XX века, оставлял государственную службу и занимался частной предпринимательской деятельностью. Осторожность в обращении для решения семейных конфликтов в органы власти является общей тенденцией, характерной для всего российского общества исследуемого периода. Поэтому вопрос о способах, избираемых для решения семейных конфликтов представителями разных сословий и классов, может получить многогранный ответ, который позволит глубже исследовать развитие явления правового нигилизма в повседневной жизни в первой трети XX века.

Кроме того, открываются широкие перспективы для изучения выбора способов решения семейных конфликтов представителями разных сословий и классов с точки зрения гендерного подхода. Ведь в это время происходят кардинальные изменения в осмыслении роли женщины в семье и обществе не только самими представительницами слабого пола, но и наблюдающими за этим процессом мужчинами.

ВЫВОДЫ. По сравнению с аналогичным периодом XIX века, в первой трети XX века мы уже не увидим четкой приверженности крестьян к выбору альтернативных законодательных способов решения семейных конфликтов. Даже на уровне повествования в своих эго-документах они стараются не посвящать в семейные проблемы посторонних лиц. Не только из-за беспокойной и непонятной политической обстановки вокруг, но и из-за крепкой веры в традиционные патриархальные устои крестьянской семьи. Большое недоумение крестьян вызывают неизбежные изменения в жизни их семей, вызванные изменением роли женщины, которая позже станет активным участником общественной жизни нового советского государства. Последствия революционных потрясений, Первой мировой войны нередко ставили женщину во главе семьи, тем самым заставляя играть совершенно не свойственную ей роль. Отметим, что способы решения семейных конфликтов, выделенные нами в процессе изучения воспоминаний, дневников и писем крестьян Российской империи в первой трети XIX века [4, с. 28], кардинально отличаются от тех, что мы можем выделить в эго-документах крестьян первой трети XX века. В начале XX века в воспоминаниях крестьян мы встречаем указания на такие способы решения семейных конфликтов, как женитьба, или замужество, совершаемые открытым путем, не прибегая к тайному венчанию, и упоминаемые случаи рукоприкладства мужчины по отношению к женщине.

Замужество, а точнее сам выход девушки из семьи родителей и создание новой семьи, в качестве способа решения семейного конфликта указывается именно в эго-документах, авторами которых были женщины. Выходя замуж, крестьянка переставала быть и участницей семейного конфликта, что фактически означало его решение. В мужских эго-документах аналогично женитьба приводила к решению семейного конфликта, но не путем выхода

крестьянина из родительской семьи, а наоборот ее пополнения, т.к. вхождение невестки в новую семью означало и решение многих хозяйственных вопросов.

Несомненным достоинством выбора крестьянами данных способов для решения семейных конфликтов является завершённый процесс сепарации от дворян-помещиков, к помощи которых они непременно прибегали для решения подобных вопросов в XIX веке. Архаичский след в виде рукоприкладства мужа по отношению к жене остается неотъемлемым элементом жизни крестьянской семьи, но вызывает все большие угрызения совести у главы семейства. Особенно часто мы встречаем переживания по этому поводу в эго-документах крестьян-толстовцев.

Случаи обращения конфликтов в органы власти для решения семейных также описываются крестьянами. Круг вопросов, с которыми обращаются крестьяне, совпадает с противоречиями в регламентировании общей семейной собственности, семейных разделов и опеки официальным законодательством и обычным правом, отмеченными ранее другими исследователями [13, с. 198], не обращавшимися к изучению эго-документов данной категории населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи: монография. М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с.
2. Бобрышов С.В., Ивакина В.В. Конфликты в сфере семейных отношений: социально-психологический аспект: учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2017. 194 с.
3. Боева О.А. Крестьянская семья Воронежской губернии в конце XIX — первой трети XX вв. Автореф. ... к.и.н. 07.02.00. Воронеж, 2012. 24 с. 6
4. Вольф С.П. Правовой нигилизм в решении семейных конфликтов дворянами и крестьянами в Российской империи первой трети XIX века // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 3. С. 22–30.
5. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. / сост. А.Б. Рогинский. М.: Книга, 1989. 477 с.
6. Ерохин В.Н. Эго-документы в современной исторической науке // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы VI международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 13–15 февраля 2017 года) / отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 573–576.
7. Замараев А.А. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 годы // Тотма: краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 251–517. 10
8. Карабанов А.А. Обзор конфликтогенных тенденций в жизни русской крестьянской общины в конце XIX — начале XX в. (на материалах Олонецкой губернии) // История повседневности. 2019. № 1 (9). С. 91–106.
9. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М.: Типография РАН, 1997. 324 с.
10. На сердце пали все печали: Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / ред.-сост. А. Щербаков. М.: Изд-во «Агей Томеш», 2019. 434 с.
11. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских / под ред и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 385 с.
12. Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / ред.—сост. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.
13. Соснина М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в брачно-семейных делах (на материалах Архангельской губернии второй

- половины XIX — начала XX) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 1. С. 195–218.
- Спичак А.В. Причины разводов крестьянок в конце XIX — начале XX в. (на материалах Тобольской епархии) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 88–103.
14. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. И-О. 3-е изд., испр. и доп. СПб.— М.: Изд-е т-ва М.В. Вольф, 1905. 1017 с.
 15. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. С-У. 3-е изд., испр. и доп. СПб.— М.: Изд-е т-ва М.В. Вольф, 1909. 853 с.
 16. David A.J. Macey Stolypin Is Risen! The Ideology of Agrarian Reform in Contemporary Russia // The «Farmer Threat»: The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia / edited by Don Van Atta. New York: 1st Edition, 2020. 246–271 pp.
 17. Leinarte D. The Lithuanian Family in its European Context, 1800–1914: Marriage, Divorce and Flexible Communities. Springer, 2017. 192 p.
 18. Rogowski R. The Interwar Period and the Depression of the 1930s: The Decline and Fall of World Trade // Rogowski R. Commerce and Coalitions: How Trade Affects Domestic Political Alignments. Princeton: Princeton University Press, 2021. 232 p.

REFERENCES

1. Bezgin V.B. *Povsednevnyj mir russkoj krest'janki perioda pozdnej imperii* [The everyday World of a russian peasant Woman of the Late Empire period]. Monografija. M.: Publ. Lomonosov, 2017. 248 s. (In Russian).
2. Bobryshov S.V., Ivakina V.V. *Konflikty v sfere semejnyh otnoshenij: social'no-psihologicheskij aspekt* [Conflicts in the Sphere of family Relations: socio-psychological Aspect]. Stavropol': Publ. SGPI, 2017. 194 s. (In Russian).
3. Boeva O.A. *Krest'janskaja sem'ja Voronezhskoj gubernii v konce XIX — pervoj treti XX vv.* [Peasant Family of the Voronezh Province at the End of the XIX — first Third of the XX centuries]. Avtoref. ... k.i.n. 07.02.00. Voronezh, 2012. 24 s. (In Russian).
4. Vol'f S.P. *Pravovoj nigilizm v reshenii semejnyh konfliktov dvorjanami i krest'janami v Rossijskoj imperii pervoj treti XIX veka* [Legal Nihilism in Resolving Family Conflicts of Nobles and Peasants of Russian Empire in the first third of XIX century] // Omskij nauchnyj vestnik. Serija Obshhestvo. Istorija. Sovremennost'. 2021. T. 6. № 3. S. 22–30. (In Russian).
5. *Vospominanija krest'jan-tolstovcev. 1910–1930-e gg.* [Memoirs of Tolstoy Peasants. The 1910s and 1930s] / sost. A.B. Roginskij. M.: Publ. Kniga, 1989. 477 s. (In Russian).
6. Erohin V.N. *Jego-dokumenty v sovremennoj istoricheskoj nauke* [Ego-documents in modern historical Science] // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy [Culture, Science and Education: Problems and Prospects]. Nizhnevartovsk, Publ. Nizhnevart. gos. un-ta, 2017. S. 573–576. (In Russian).
7. Zamaraev A.A. *Dnevnik totemskogo krest'janina A.A. Zamaraeva, 1906–1922 gody* [Diary of a Totem Peasant A.A. Zamaraev, 1906–1922] // Tot'ma: kraeved. al'm. Vologda, 1997. Vyp. 2. S. 251–517. (In Russian).
8. Karabanov A.A. *Obzor konfliktogennyh tendencij v zhizni russkoj krest'janskoj obshhiny v konce XIX — nachale XX vv. (na materialah Oloneckoj gubernii)* [Review of conflict — causing Trends in the Life of the Russian peasant Community in the late XIX — early XX century (based on the Materials of the Olonets Province)]. Istorija povsednevnosti. 2019. № 1 (9). S. 91–106. (In Russian).
9. *Na razlome zhizni. Dnevnik Ivana Glotova, pezhemskogo krest'janina Vel'skogo rajona Arhangel'skoj oblasti. 1915–1931 gody* [At the Break of Life. The Diary of Ivan Glotov, a Pezhem Peasant of the Velsky District of the Arkhangelsk Region. 1915–1931]. M.: Publ. Tipografija RAN, 1997. 324 s. (In Russian).
10. *Na serdce pali vse pechali: Sud'by krest'jan v XX veke. Vospominanija* [All Sorrows have fallen on the Heart: The Fate of Peasants in the XX century. Memories] / red.-sost. A. Shherbakov. M.: Publ. «Agej Tomesh», 2019. 434 s. (In Russian).
11. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. T.X. Ch. 1. Svod zakonov grazhdanskih / pod red i s primech. I.D. Morduhaj-Boltovskogo; sost. N.P. Balkanov, S.S. Vojt,

- V.Je. Gercenberg. St.-Peterburg, Publ. Russkoe knizhnoe tovarishhestvo «Dejatel'», 1912. 385 s. (In Russian).
12. Slepčova I.S. «*Kollektivnaja biografija sel'skogo sociuma (po materialam dnevnikov jaroslavskogo krest'janina P.V. Bugrova)*» [«Collective Biography» of the rural Society (based on the materials of the diaries of the Yaroslavl peasant P.V. Bugrov)] // *Russkij sever* [Russian North]. Vyp. 1. Identichnosti, pamjat', biograficheskij tekst. K 95-letiju K.V. Chistova: sb. nauch. st. / red. — sost. T.B. Shhepanskaja. St.-Peterburg: Publ. MAJe RAN, 2017. S. 79–96. (In Russian).
 13. Sosnina M.A. *Obychno-pravovye osnovy krest'janskoj sem'i: vlijanie zakona i obyčaja na reshenija volostnyh sudov v brachno-semejnyh delah (na materialah Arhangel'skoj gubernii vtoroj poloviny XIX — nachala XX)* [The customary legal Foundations of the peasant Family: the Influence of Law and Custom on the Decisions of the volost Courts in marriage and family Affairs (based on the Materials of the Arkhangelsk Province of the second half of the XIX — early XX)] // *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 2017. № 1. S. 195–218. (In Russian).
 14. Spichak A.V. *Prichiny razvodov krest'janok v konce XIX — nachale XX v. (na materialah Tobol'skoj eparhii)* [The Reasons for the Divorces of peasant Women in the late XIX — early XX century (based on the Materials of the Tobolsk Diocese)] // *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. 2017. № 4 (85). S. 88–103 (In Russian).
 15. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka Vladimira Dalja* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. T. 2. I-O. 3-e izd., ispr. i dop. St.Peterburg — M.: Izd-e t-va M.V. Vol'f, 1905. 1017 s. (In Russian).
 16. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka Vladimira Dalja* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. T. 4. S-V. 3-e izd., ispr. i dop. St.Peterburg — M.: Publ. t-va M.V. Vol'f, 1909. 853 s. (In Russian).
 17. David A.J. Macey Stolypin Is Risen! The Ideology of Agrarian Reform in Contemporary Russia // *The «Farmer Threat»: The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia* / edited by Don Van Atta. New York, 1st Edition, 2020. 246–271 pp. (In English).
 18. Leinarte D. *The Lithuanian Family in its European Context, 1800–1914: Marriage, Divorce and Flexible Communities*. Springer, 2017. 192 p. (in English).
 19. Rogowski R. *The Interwar Period and the Depression of the 1930s: The Decline and Fall of World Trade* // Rogowski R. *Commerce and Coalitions: How Trade Affects Domestic Political Alignments*. Princeton, Publ. Princeton University Press, 2021. 232 p. (In English).